

Цзян Суйчжоу на автомате ответил:

— Хорошая мысль.

И только произнеся это, он осознал свои слова.

Принц замер, отложив книгу. Он ведь уже всё объяснил Хо Уцзю, тот согласился его защищать — больше не нужно мелькать перед глазами генерала или изображать фальшивую заботу.

Но... Цзян Суйчжоу хотел было отказаться, но взгляд его невольно скользнул к кушетке у кровати. Она была аккуратно застелена, ни единой складочки, а одеяла и подушки уже убрали. Кушетка выглядела такой сиротливой, будто на ней чего-то не хватало. Его взгляд застыл на этом месте, и вдруг спальня показалась ему огромной и пустой.

Он молчал, а Мэн Цяньшань на его глазах расцвел от радости.

«Глядите-ка! Ваше Высочество тоскует, глядя на пустые вещи!»

Решив, что его предложение попало в точку, евнух, не дожидаясь возражений, бросился за верхним платьем для прогулки и услужливо подал его господину.

Цзян Суйчжоу посмотрел на руки Мэн Цяньшаня. Спустя мгновение он втайне уговорил себя: «Ладно, в конце концов, что такого — просто заглянуть к Хо Уцзю? Это мое поместье, я волен ходить куда вздумается». С этой мыслью он встал и позволил облачить себя в халат.

Странное дело: то ли ткань была особенно приятной, то ли еще что, но то гнетущее, пустое чувство, владевшее им с утра, начало понемногу рассеиваться.

Цзян Суйчжоу выглянул в окно. «И правда, стоит выйти на солнце», — подумал он.

Ли Чаннин разложил на столике иглы для акупунктуры и попросил Хо Уцзю лечь на кровать. Он закатал штанины генерала, обнажая ноги с еще не затянувшимися ранами. Ноги Хо Уцзю восстанавливались неплохо, но шрамы всё еще выглядели ужасающе. У Вэй Кая при одном взгляде на них покраснели глаза, и он с трудом отвел взор.

Ли Чаннин, осмотрев пациента, произнес:

— Генерал, ваше счастье, что раны еще свежие — так их легче лечить. Подожди мы еще полгода-год, и даже после исцеления вы остались бы хромым на всю жизнь.

Хо Уцзю молчал. Он понимал: этим шансом он обязан принцу Цзину. Если бы тот не прикинулся больным, Ли Чаннин и Вэй Кай никогда бы не попали в поместье. Даже если бы старик умел творить чудеса, они бы просто не встретились. Отец учил его: никогда не оставайся в должниках, если есть выбор. Чем больше долг, тем сильнее ты связан по рукам и ногам. Долг — это бремя.

Хо Уцзю прикрыл глаза. Впрочем, сейчас он был должен принцу куда меньше, чем предполагал. С этим долгом благодарности он легко расплатится в будущем. Куда страшнее был тот долг «неразделенной любви», который он себе вообразил раньше — вот это действительно было бы невозможно вернуть...

Он должен был радоваться, но радости не было. Словно путанный клубок нитей, скрывавший

его сердце, внезапно исчез, подарив слишком много свободы. Но вместо облегчения пришла пустота. Это легковесное чувство раздражало его.

Ли Чаннин продолжал:

— Но лечение будет мучительным. Каждый день я буду ставить иглы и прикладывать снадобья. Иглы нужны для меридианов, а лекарства — для сращивания перебитых каналов.

Старик помедлил:

— Но восстановление каналов вызывает дикую боль. После приема лекарства ноги будет ломать три, а то и пять часов подряд. Я думал уменьшить дозу вдвое — лечение пойдет медленнее, но страдания будут терпимее...

— Не нужно, — оборвал его Хо Уцзю.

Ли Чаннин опешил. Он торопливо пояснил:

— Генерал, боль при восстановлении меридианов не чета обычным ранам. Это как если бы вам скоблили кости ножом. Даже если вы сделаны из стали, терпеть такое каждый день — выше человеческих сил!

— Если давать полную дозу, через сколько я поправлюсь? — спросил Хо Уцзю.

— От двадцати дней до месяца.

— А если половину?

— Около трех месяцев. Но генерал, не волнуйтесь...

Хо Уцзю снова прервал его:

— Значит, решено.

Он поднял взгляд на лекаря:

— У меня нет времени торчать здесь три месяца. Лечи как положено, дозу не уменьшай.

Ли Чаннин не понимал. Хоть поместье принца Цзина и не рай на земле, но сейчас здесь было тихо и безопасно. Куда генералу так спешить?

Посмотрев на Хо Уцзю, он увидел, что тот уже закрыл глаза, давая понять, что разговор окончен. Лекарь оставалось лишь подчиниться и заняться иглами.

Он не видел, как Хо Уцзю, лежа с закрытыми глазами, нервно сжал левый кулак, спрятанный в рукаве.

На самом деле, спешить ему было некуда. Южная Цзин пока не собиралась его убивать, а Северная Лян только-только строила государство — казна пуста, великих полководцев, кроме него, нет, и в ближайшее время его никто не спасет. Но он просто хотел как можно скорее вернуть долг принцу Цзину. Он убеждал себя, что его смятение вызвано лишь этой «задолженностью». Стоит расплатиться, и он снова станет прежним Хо Уцзю — и больше никакой посторонний человек не будет занимать его мысли и доводить до бешенства.

Солнце поднялось высоко. Вэй Кай сидел у маленькой печи, присматривая за отваром для Ли Чаннина.

Он обмахивал печь веером, раздувая огонь, и время от времени поглядывал на кровать. Он видел, как в ноги их генерала одна за другой впивались серебряные иглы, едва заметно поблескивая в лучах дневного света.

Даже издалека Вэй Каю становилось не по себе от этого зрелища. Каково это — когда в твое тело втыкают столько игл? Стоило ему представить нечто подобное на себе, как по коже пробежал мороз. Однако к своему генералу он всегда питал слепую, почти религиозную веру.

С тех пор как он начал следовать за ним, было ли хоть что-то, с чем генерал не справился бы, или преграда, которую он не смог бы одолеть? Никогда. Даже то, что они попали в плен при переправе, случилось из-за проблем в армии Северной Лян, а вовсе не по вине генерала.

При мысли об этом лицо Вэй Кая омрачилось. У Цяньфань. Он и У Цяньфань когда-то оба были людьми старого хоу (маркиз). После гибели хоу они вдвоем последовали за молодым генералом, став его правой и левой рукой. Сам Вэй Кай был простоват, а вот У Цяньфань отличался умом; порученные дела у него всегда выходили складнее.

Именно поэтому в этот поход Вэй Кай остался при генерале, а командование сотнями тысяч воинов основного войска доверили У Цяньфаню. Согласно их плану, передовой отряд должен был тайно переправиться через реку ночью и залечь в засаде под стенами Южной Цзин, а затем, когда основные силы под началом У Цяньфаня форсируют реку, генерал должен был возглавить общее наступление.

Однако Южная Цзин по какой-то причине заранее подготовила оборону, и их окружили к югу от великой реки. А от У Цяньфаня, который должен был следовать за ними, так и не поступило ни весточки. Что-то пошло не так?

Вэй Кай и У Цяньфань были сиротами, которых старый хоу подобрал в Янгуане; они выросли вместе, и Вэй Кай ни на йоту не сомневался в верности друга. Пытаясь выжить и ведя за собой остатки отряда, он неустанно собирал любые слухи, летевшие из Северной Лян. Может, они попали в засаду при переправе? Или разлив реки помешал им?

Но новостей не было никаких. Вэй Кай засмотрелся на аптекарскую печь, пока тишину в комнате не нарушил звонкий голос.

— Прибыл Его Высочество принц Цзин, — доложила вошедшая служанка.

Вэй Кай вздрогнул и быстро глянул на Ли Чаннина. Тот уже почти закончил сеанс и тоже смотрел на него.

Лекарь махнул ему рукой. Вэй Кай проследил за жестом и увидел, что отвар на печи начал закипать. Он поспешно снял котелок с огня.

Пока они возились, у дверей послышались шаги. Подняв головы, они увидели принца Цзина — величественного, закутанного в темный плащ. Он вошел прямо в комнату.

Вэй Кай вместе с Ли Чаннином поспешили поклониться.

Не успели они коснуться коленями пола, как принц небрежно махнул рукой:

— Встаньте. Занимайтесь делом. Мне просто было скучно, зашел посмотреть.

Вэй Кай украдкой взглянул на него. Принц подошел к кровати, бросил один-единственный взгляд на ноги генерала и тут же поспешно отвел глаза. Этого мига хватило Вэй Каю, чтобы заметить: принц явно испугался вида серебряных игл в теле их командира, да так, что побоялся смотреть прямо.

Вэй Кай внутренне усмехнулся. Хм, эти аристократы Южной Цзин всегда такие: жестокие и беспощадные, но при этом трусливые до невозможности. Сами погубили не знамо сколько людей, а вида крови не выносят. Самые настоящие бумажные тигры. Разве сравнятся они с их генералом? Раны — на его теле, иглы — в его ногах, а он и бровью не ведет, лежит себе спокойно с закрытыми глазами... Стоп. Генерал?

Вэй Кай, только что упивавшийся своим превосходством, невольно посмотрел на лицо командира. И увидел, что генерал, который всё это время лежал неподвижно, в какой-то момент открыл глаза. Его лицо было частично скрыто парчовым пологом, но Вэй Кай стоял в углу под таким углом, что мог видеть его сквозь щель.

Их генерал сквозь плотную ткань полога... смотрел на принца Цзина. Вэй Кай никогда не видел, чтобы эти холодные, полные презрения ко всему миру черные глаза... могли выражать такое.

Казалось, он очень жаждал увидеть этого человека, но в то же время отчаянно пытался скрыть это чувство. Несмотря на бесстрастное лицо, Вэй Каю померещилось, что генерал испытывает некое удовольствие, смешанное с обидой — этот взгляд был таким сложным и глубоким, что у Вэй Кая голова пошла кругом.

Он так и застыл в оцепенении, пока не услышал голос Ли Чаннина:

— Глупый малый, чего застыл?

Под окриком лекаря Вэй Кай пришел в себя. Ли Чаннин уже подошел к нему и забрал котелок с лекарством.

На ходу лекарь с заискивающей улыбкой объяснял Цзян Суйчжоу:

— Это снадобье для укрепления сил господина. Господин целыми днями не выходит из комнаты, тело его несколько ослабло. Без этого лекарства он может не выдержать такой интенсивной акупунктуры...

Вэй Кай остался стоять на месте, его взгляд снова метнулся к лицу генерала. На этот раз генерал смотрел прямо на него. Эти глаза, подобные черному обсидиану, были холодными и твердыми. Казалось, та бездонная глубина, которую он видел мгновение назад — лишь плод его воображения.

Один этот взгляд заморозил Вэй Кая, заставив его окончательно протрезветь.

«Привиделось, — подумал он. — Точно привиделось». Какая еще глубина может быть во взгляде генерала на принца Цзина? Даже если и есть, то это глубина желания прикончить его как можно скорее.

От автора: Вэй Кай использовал пассивный навык: «Взор натурала».

<http://bllate.org/book/16965/1581823>